

УДК 32.001
ББК 66
К 126

КАВКАЗ - 2006. Ежегодник Кавказского института СМИ. – Ер.: Кавказский институт СМИ, 2008. – 314 с.

К 126 Четвертый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2006 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и США на ежегодной конференции Кавказского института в мае 2007 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2006 г. В статьях показана общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описана ситуация в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования. В приложениях - краткая хронология, библиография книг о Кавказе, географические карты и список интернет-ресурсов.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия и справочные материалы: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «**Matit**» / www.matit.am

Географические карты и верстка: студия «**Коллаж**» / www.collage.am

The Caucasus - 2006. CMI Yearbook. – Yerevan, CMI, 2008. – 314 p.

The fourth CMI Yearbook sums up year 2006 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CMI conference in May 2007 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Russia and the US. The main section of the volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2006. The papers reveal the overall political, economical and social trends in the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution. Appendices include a brief chronology, lists of books about the Caucasus published in 2006, maps and web resources.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing and reference material by **Nina Iskandaryan and Sergey Minasyan**

Cover design by **Matit** / www.matit.am

Maps and text layout by **Collage** / www.collage.am

Издание опубликовано при поддержке Швейцарского агентства развития и сотрудничества и Фонда Генриха Бёлля

ISBN 978-99941-2-090-1

ББК 66

© Кавказский институт СМИ, 2008 г.

© 2008 by Caucasus Media Institute.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В 2006 Г.: ВОСТАНОВЛЕНИЕ УТРАЧЕННЫХ ПОЗИЦИЙ ИЛИ БЕССМЫСЛЕННАЯ АКТИВНОСТЬ?

«Кавказский курс» России в 2006 г.: конгломератная политика

Российская политика на Южном Кавказе в 2006 г. стала гораздо более активной. В прошедшем году мы стали свидетелями политического и социально-экономического наступления России на Грузию (начиная от запрета на ввоз вин и минеральных вод до полномасштабных санкций). В начале 2006 г. Москва, несмотря на постоянные заверения о «стратегическом союзнничестве» с Ереваном, продемонстрировала свою готовность к жесткому давлению на партнера, если речь идет об экономической выгоде. В конце же 2006 г. Россия, заинтересованная в сохранении стабильных отношений с Азербайджаном, тем не менее, попыталась оказать жесткий прессинг и на это государство с целью «окружения» Грузии.

В 2006 г. Россия интенсифицировала свои контакты с кавказскими *de facto* государствами. Именно в прошедшем году российский президент Владимир Путин предложил «универсальный подход» к этнополитическому самоопределению непризнанных республик постсоветского пространства (три из которых находятся на Южном Кавказе). По словам российского президента, «если кто-то считает, что Косово можно предоставить полную независимость, то почему тогда мы должны отказывать в этом абхазам или южным осетинам... Мы знаем, например, что Турция признала Турецкую Республику Северного Кипра. Я не хочу сказать, что и Россия тут же немедленно признает Абхазию или Южную Осетию в качестве независимых и самостоятельных государств, но такие прецеденты в международной жизни есть... Чтобы действовать справедливо, в интересах всех людей, которые проживают на той или иной территории, нам нужны общепризнанные, универсальные принципы решения этих проблем». При этом следует отметить, что, выступая за универсальные подходы к этнополитическому самоопределению на постсоветском пространстве, и Владимир Путин, и представители российского МИДа неизменно обращались к абхазскому, осетинскому и приднестровскому казусам, избегая упоминать в этом же ряду самоопре-

деление армян Нагорного Карабаха. Что же касается карабахской проблемы, то российские подходы в 2006 г. не претерпели существенных изменений. Однако во многом с подачи России апелляция к «косовскому казусу» прочно вошла в политический дискурс абхазской, осетинской и нагорно-карабахской элит. 2006 г. стал началом большого «энергетического наступления» РФ на Кавказе. Силу «энергетического оружия» Кремля поочередно испытали на себе Армения, Грузия и Азербайджан.

В 2006 г. европейские и американские эксперты стали говорить о фронтальном наступлении России в СНГ, и, прежде всего, в Закавказье. Возрождение российской «имперской мощи» на современном этапе стало предметом нашумевшей статьи бывшего представителя США в ООН Ричарда Холбрука. Анализируя динамику российско-грузинских отношений на современном этапе, американский дипломат пришел к следующим выводам: «На карту поставлено многое: долгосрочная стратегическая цель Путина состоит в том, чтобы на огромной территории, которой правили сначала цари, а потом Советский Союз, создать сферу российского господства и гегемонии. Если Путину удастся свергнуть самого независимого и самого прозападного (если не считать Прибалтики) лидера на пространстве бывшего Советского Союза, то для него это будет огромный шаг вперед»¹.

Интенсификация российских контактов с лидерами Абхазии и Южной Осетии также значительно укрепила на Западе (не говоря уже о Грузии) представление об аннексионистских планах российского руководства. Наряду с «энергетическим оружием» в США и в Европе в 2006 г. стали интенсивно обсуждать «косовское оружие» России. Заявление президента Путина об универсальном характере косовского урегулирования и возможности использования «казуса Косова» для разрешения этнополитических конфликтов в непризнанных государствах постсоветского пространства было представлено как серьезная заявка России на пересмотр сложившихся после 1991 г. границ. «Теория, что Косово может быть использовано в качестве прецедента для урегулирования этнических конфликтов – искусная дымовая завеса, предложенная Путиным для разделения Запада», - считает директор Центра евразийской политики Института Хадсона Зейно Баран². По ее же мнению (разделяемому многими влиятельными политиками и экспертами в США и в Европе), российское миротворчество в зонах «замороженных конфликтов» (Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье) является не чем иным, как инструментом возрождения российской государственной

1 *Holbrooke R. David and Goliath. Putin Tries to Depose a Neighbor // The Washington Post, 27.11.2006.*

2 *Baran Z. Kosovo Precedent: No Solution for Caucasus Region // The Financial Times, 17.05.2006.*

мощи. «В лучшем случае сохраняющееся российское присутствие в Абхазии препятствует усилиям, направленным на разрешение конфликта; в худшем случае оно представляет собой аннексию того, что широко признается грузинской территорией», - категорически заявляет Баран¹.

Однако если отойти от внешних «спецефффектов» и сосредоточиться на содержательном рассмотрении «российского наступления», то окажется, что эта активизация России на Южном Кавказе не принесла ощутимых результатов. Сама по себе «активная политика» не может принести желаемого эффекта. Активность должна дополняться осмысленностью. Что же касается этой стороны российской политики, то, как и в 2004-2005 гг., здесь наблюдался явный дефицит. А потому итоги прошедшего года не стали для России политическим триумфом. В 2006 г. отношения между Россией и Грузией были наихудшими с момента распада Советского Союза. Даже в ходе грузино-осетинского (1990-1992 гг.) и грузино-абхазского (1992-1993 гг.) вооруженных конфликтов Москва не вводила экономическую и транспортную блокаду, а информационные войны носили менее ожесточенный характер, чем в 2006 г. Взаимоотношения Армении и России также пережили испытание повышением цены на газ и закрытием «грузинского окна» во внешний мир (речь идет о закрытии контрольно-пропускного пункта «Казбеги - Верхний Ларс» на российско-грузинской границе в ночь с 7 на 8 июля 2006 г. якобы в связи с началом строительных работ). Ухудшение российско-грузинских отношений, а также охлаждение взаимоотношений между Москвой и Баку привели к большей изоляции Армении, что никак не способствовало росту пророссийских симпатий в этой республике. 2006-й завершился российско-азербайджанскими спорами, которые, хотя и не пошли по «грузинскому сценарию», но существенно отдалили Азербайджан от России.

По справедливому замечанию грузинского политолога Георгия Вашакидзе, «российская политика на Кавказе, конечно, стала более последовательной и в гораздо большей степени комплексной в период президентства Путина, однако все еще существует очень мало проявлений четкой стратегии или даже ясного представления о российских долгосрочных интересах»². В самом деле, анализ российской стратегии на Южном Кавказе в 2006 г. (или вообще за весь постсоветский период) представляется занятием гораздо более сложным, чем рассмотрение американской или европейской «кавказ-

1 Baran Z. Kosovo Precedent: No Solution for Caucasus Region // The Financial Times, 17.05.2006.

2 Vashakidze G. The Caucasus after the Collapse of the Soviet Union // Русский вопрос (Интернет-издание). Пара, № 1, 2007 // www.russkii_vopros.com/ruskii_vopros.php?s=23&j=a&a=archiv/2007_1/&f=&t=studies.html&tlc=3.

ской политики». При рассмотрении особенностей российской политики на Кавказе (а также ее закономерностей) следует выполнять несколько важных методологических операций.

Во-первых, необходимо отделять объективные национальные интересы России, как одного из кавказских государств (7 субъектов РФ находятся на Северном Кавказе, а еще 4 - на территории Степного Предкавказья) от конъюнктурных интересов правящего режима (а также различных «подъездов» Кремля и Старой площади) и его социально-политических комплексов. Одним словом, изучение российской политики на Южном Кавказе не должно ограничиваться исследованием рефлексии Владимира Путина и его команды по поводу «цветных революций» или вмешательства США и ЕС в российско-грузинские отношения. Постимперские синдромы или комплексы (важные для понимания тех или иных шагов России в регионе и российского «кавказского» дискурса вообще) - это далеко не единственные проявления политики РФ на Южном Кавказе.

Во-вторых, для понимания мотивации России в 2006 г. (равно как и в предыдущие и последующие годы) необходима «объективизация» ее действий. Под объективностью автор настоящей статьи понимает не беспристрастность. Наивно полагать, что в настоящее время проблемы этнополитического развития Кавказского региона можно изучать, руководствуясь известным принципом «без гнева и пристрастия». Речь идет о том, что Россия имеет определенный коридор возможностей, из которого не выйдет любой глава государства (не важно, будет он демократом или авторитарным лидером). Ни один лидер России не сможет игнорировать проблемы Южной Осетии, Абхазии или Нагорного Карабаха - просто потому, что «замороженные конфликты» на юге Кавказа существенным образом влияют на этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе. От их разрешения (или напротив, «разморозки») во многом зависит стабильность всего Юга России. Второй, не менее важный аспект такой «объективизации» - это понимание того, что далеко не все наступательные (и brutальные по форме) действия России (например, депортации граждан Грузии и россиян грузинской национальности осенью 2006 г. или прессинг в отношении Азербайджана и Армении) работают на укрепление российских позиций и соответствуют российским национальным интересам. Таким образом, блокада Грузии или повышение цены на газ для всех стран Южного Кавказа, потребляющих российское «голубое топливо», вовсе не означает «возрождения» доминирования РФ на постсоветском пространстве. По словам Георгия Вашакидзе,

«российская политика на Кавказе – это предмет различных интерпретаций. Она остается такой же противоречивой, какой была десятилетие назад в период пика вооруженных конфликтов в Чечне, Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Политику России следует признать как сложный комплекс и непоследовательное сочетание несостоятельных ожиданий, несовместимых интересов и несоординированных действий. Главный парадокс, вероятно, в недостатке связи между стремлением России доминировать в регионе, где многие ее жизненные интересы поставлены на карту, и ее неспособностью влиять на политическое развитие всего региона»¹. Действительно, в 2006 г. Москва попыталась совместить то, что совместить невозможно. С одной стороны, российская политика неизменно апеллировала к сохранению статус-кво, а с другой стороны – способствовала внедрению в общественно-политический дискурс «косовского прецедента», т.е. была в одной и то же время «стабилизатором» и «провокатором». С одной стороны, российские лидеры вели речь о прагматизме и экономической выгоде как приоритете, а с другой – надеялись на сохранение «особых отношений» и «особых позиций» в регионе. Москва опасалась экспорта «цветных революций» и вмешательства Запада в кавказскую «Большую игру» и в то же время следовала в фарватере западных инициатив, постоянно оглядывалась на мнение Вашингтона и Брюсселя. В одно и то же время Россия защищала территориальную целостность и «право народов на самоопределение».

Таким образом, российскую кавказскую политику в 2006 г. можно определить как «конгломератный» политический курс, в котором имперская риторика сочеталась с апелляциями к демократии и справедливости, рыночный прагматизм – с разговорами об экономических предпочтениях, а призывы к миру – с языком санкций.

Россия и Армения: тактические расхождения между стратегическими союзниками

В начале 2006 г. Россия начала «газовую атаку» на Армению, повысив цены на газ вдвое (до 110 долларов за тысячу кубометров). «Армении не везет в отношениях со стратегическим союзником, поскольку на самом деле эти отношения не стратегические или партнерские, а вассальные. Армяне в отношениях с русскими напрочь утратили чувство достоинства», – писала

¹ *Vashakidze G.* The Caucasus after the Collapse of the Soviet Union // Русский вопрос (Интернет-издание). Пара, № 1, 2007 // www.russkii_vopros.com/ruskii_vopros.php?s=23&j=a&a=archiv/2007_1/&f=&t=studies.html&tlc=3.

газета «Чоррорд Ишханутюн»¹. Дискурс «предательства» на некоторое время стал одним из ведущих в армянском экспертном сообществе и в СМИ. В ходе подготовки и осуществления «газовой атаки» обсуждался вопрос (хотя и не на публичном уровне) о целесообразности пребывания российских военных баз на территории Армении. Не праздный вопрос: соответствовала ли «газовая атака» на Армению российским (а не газпромовским) национальным интересам?

Однако этой «экономической мерой» Кремль не ограничился. Вскоре устами министра обороны России Сергея Иванова Россия предложила свои «миротворческие услуги» в зоне карабахского конфликта. Более того, этот тезис был дважды (за 2006 г.) озвучен министром обороны не где-нибудь, а в Баку, что, как нетрудно догадаться, существенно «укрепило доверие» Еревана к Москве. Летом 2006 г. российско-грузинские торгово-экономические войны больно ударили по экономическим интересам Армении, не имеющей с РФ общей границы. Закрытие контрольно-пропускного пункта «Казбеги - Верхний Ларс» на российско-грузинской границе в ночь с 7 на 8 июля 2006 г. существенно осложнило российско-армянские двусторонние отношения. Вице-спикер Парламента Армении Ваан Ованнисян заявил тогда, что закрытие КПП связано с обострившимися российско-грузинскими отношениями. По его словам, «российские коллеги должны понять, что направленные против Грузии шаги вредят и Армении, и здесь следует проявить максимум гибкости». Естественно, такое направление мысли представители официального Тбилиси стремятся всячески поддержать. В интервью грузинским СМИ премьер-министр Грузии Зураб Ногаидели заявил, что главной жертвой ремонтных работ на КПП «Верхний Ларс» станет Армения, поскольку Грузия практически ничего не экспортирует в Россию. Однако, несмотря на политическую ангажированность грузинского премьера, следует признать определенную справедливость его высказываний. Тогдашний премьер-министр Армении (ныне покойный) Андраник Маргарян констатировал, что «через этот контрольно-пропускной пункт в Россию поступала сельхозпродукция из Армении»².

Было бы целесообразно, если бы Россия представила Еревану четкий и открытый план действий относительно открытия КПП, а также представила бы армянской стороне «замещающие проекты», в которых были бы заинтересованы предприниматели из Армении. От этого только выиграли бы

1 Цит. по: *Татевосян А., Реутов А.* На Армении поставили знак равенства (стратегическому союзнику России взвнчивают цену на газ) // Коммерсант- Daily, 12.01.2006.

2 Цит. по: <http://www.politcom.ru/article.php?id=2788>.

интересы России (равно как и региональная стабильность). Однако российская активность по разблокированию Армении не может ограничиваться одним «ларским форматом». Речь должна идти о том, чтобы Россия более активно способствовала бы включению Армении в региональные коммуникационные проекты. Увы, но эта работа не была Россией проведена. Между тем США начали постепенно перехватывать пальму первенства у России именно в этой сфере. В июле 2006 г. (то есть почти синхронно с закрытием КПП на ремонт!) Палата представителей Конгресса США проголосовала за предоставление гарантий того, что никакие экспортные и импортные фонды не будут использованы для содействия проекту строительства железной дороги Карс–Ахалкалаки–Тбилиси–Баку в обход Армении. Именно американские конгрессмены выступили против изоляции Армении от масштабных региональных транспортных проектов. В резолюции H.R. 5068 говорилось, что «деньги налогоплательщиков не будут использованы для большей изоляции Армении, которая уже страдает от двойной блокады со стороны Турции и Азербайджана». Один из поддержавших документ конгрессменов Джозеф Коули заявил, что «эти меры будут способствовать стабильности на Южном Кавказе, в то время как финансирование подобного железнодорожного проекта противоречит интересам США»¹.

Но означало ли это смену приоритетов российской политики на Южном Кавказе? Армения и в 2006 г. (и позже) называлась стратегическим партнером РФ в регионе, и военные части Группы российских войск в Закавказье начали выводиться из Грузии именно в Армению. Именно Армения является единственным государством в Кавказском регионе, где российское военное присутствие считается благоприятным фактором, гарантирующим национальную безопасность. Но в таком случае закономерен целый ряд вопросов. Насколько экономическая выгода от повышения газовой цены (и перекрытия КПП «Верхний Ларс») перекрывает политическое недовольство армянского политического класса от действий Москвы? Между тем, именно 2006 г. стал периодом роста ксенофобии в России. Участились случаи убийств и нападений на армян, что было обратно пропорционально усилиям российских правоохранительных структур по расследованию таких случаев. Все это в совокупности укрепило прозападный вектор армянской внешней политики (здесь и усиление партнерства с НАТО, и активизация американской дипломатии по защите экономических интересов Армении, и заявление экс-спикера Парламента РА Артура Багдасаряна о необходимости геополитической переориентации страны). Сегодня в Рос-

1 Цит. по: <http://www.politcom.ru/article.php?id=2788>.

сии много (и охотно) пишут о расколе политического класса Армении на «западников» и сторонников пророссийского курса. При этом игнорируется такая фундаментальная проблема, как защита армянским политическим истеблишментом собственных национальных интересов. «...Большое значение имеет сотрудничество с НАТО, результатом чего стала разработка и утверждение программы ИРАР (индивидуального плана действий партнерства - С.М.), где обрисован процесс сотрудничества на последующие 10 лет. Сотрудничество способствовало модернизации армии и внедрению международного опыта, и ныне этот процесс продолжается. И все усилия направлены на оборонные реформы. Боеспособность армии заметна на проводимых каждый год военных учениях, где проявляется коэффициент вероятности победы на войне»¹. Прочитанный выше фрагмент принадлежит не «западнику» Багдасаряну, а одному из ближайших соратников президента Роберта Кочаряна Сержу Саркисяну (на тот момент министру обороны и секретарю Совета безопасности Армении). Таким образом, и Запад, и Россия рассматриваются не как абстрактные цели, а как инструменты для обеспечения армянских национальных интересов. Увы, в Москве, считающей, что стратегические партнеры «никуда не денутся», этот фактор не принимается всерьез. Способность действующей власти в Армении держать внутривнутриполитическую ситуацию под контролем (вкуче с пророссийскими декларациями) рассматриваются как вполне достаточные условия для сохранения российского влияния.

К этому печальному списку остается добавить снижение роли РФ в процессе карабахского урегулирования. Сегодня инициативы исходят прежде всего от американской стороны. Они озвучиваются сопредседателем Минской группы ОБСЕ Мэтью Брайзой, а Москва лишь выражает по их поводу свое «скромное мнение».

Если Москва продолжит реализацию такого сценария на «армянском направлении», то 2007 г. лишь усилит дрейф Армении на Запад. Сегодня, однако, уже можно с большей или меньшей степенью уверенности утверждать, что политический наследник Роберта Кочаряна будет проводить более диверсифицированную внешнюю политику.

Россия и Грузия: противостояние продолжается

В 2006 г. на новый уровень вышла российско-грузинская конфронтация. Российской власти на грузинском направлении в ушедшем году остро

¹ Цит. по: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2006/08/m59197.htm>.

не хватало рациональных, а не эмоционально окрашенных аргументов, четко сформулированных целей и задач. В 2006 г. имидж Михаила Саакашвили, как американской «марионетки» и русофоба значительно укрепился в сознании как российской власти, так и провластного экспертного сообщества. При этом Москва проигнорировала несколько важных фактов, без учета которых все российские политические эмоции обернулись в конечном итоге против самой РФ и ее национальных интересов.

Во-первых, была существенным образом переоценена «привязка» грузинской экономики к экономике российской и степень зависимости Грузии от России.

Во-вторых, была недооценена популярность (и политические ресурсы) Михаила Саакашвили, а также его готовность к жесткому столкновению с Москвой.

В-третьих, российско-грузинские отношения оказались вырваны из других внешнеполитических контекстов (таких, как российско-американские отношения, отношения между РФ и ЕС, российско-армянские и российско-азербайджанские отношения).

В-четвертых, «объективизация» российско-грузинских отношений также не была проведена, были проигнорированы «коридоры возможностей» для грузинской как внутренней, так и внешней политики. Ни один президент Грузии не может сегодня отказаться от политических притязаний на Абхазию и Южную Осетию, не рискуя при этом своим постом. Не понимать этого и ругать того же Михаила Саакашвили за чрезмерную русофобию - значит изрядно упрощать ситуацию. Весьма упрощенно звучит суждение о Саакашвили как об «американской марионетке». В борьбе за «собрание Грузии» он действует как ситуативный политик и прагматик. Если для этой цели можно использовать политические ресурсы России, он станет пророссийским (не случайны в этой связи его призывы начать историю двусторонних отношений с «чистого листа»). Но поскольку Москва исключает вариант одностороннего ухода из Абхазии и Южной Осетии (без полноценного урегулирования конфликтов в этих «горячих точках»), то Саакашвили сделал выбор в пользу стратегического партнерства с США.

Грузинский лидер - непростой партнер. Он склонен к популизму и этнонационализму. Однако нельзя игнорировать тот факт, что он располагает значительным ресурсом популярности (это признают даже его противники). Нельзя не учитывать и того, что относительно Абхазии и Южной Осетии внутри грузинского политического класса и экспертного сообщества

сложился консенсус. Ныне президента Грузии критикуют за антидемократизм и популизм (Республиканская партия и «Новые правые Грузии»), за просчеты в социальной политике и крайний «вестернизм» (Лейбористская партия Шалвы Нателашвили), за недостаточную жесткость по отношению к РФ и СНГ (Республиканская партия). При этом и «правые», и республиканцы, и лейбористы единодушны с главой государства в подходах к Абхазии и Южной Осетии. Даже бывший глава Министерства безопасности, лидер партии «Справедливость» Игорь Гиоргадзе (считающийся в Тбилиси российским шпионом) в программных заявлениях провозглашает Абхазию и Южную Осетию неотъемлемыми частями единой Грузии.

Имела ли российская власть право на введение санкций против Грузии? Безусловно, да, поскольку «борьба с рукой Москвы» давно стала эффективным политическим ресурсом президента Грузии Михаила Саакашвили. С его помощью он успешно отвлекал внимание мирового сообщества от собственных планов по силовой реинтеграции Южной Осетии и Абхазии. Между тем, практическая реализация подобного рода планов вызвала бы серьезную дестабилизацию российского Северного Кавказа. Но, во-первых, введение санкций не может быть анонимным (под предлогом защиты прав потребителей и т.п.), иначе теряется их политический эффект, во-вторых, должно сопровождаться выдвиганием конкретных требований и сроков их выполнения. Но, самое главное в другом. России ни при каких обстоятельствах нельзя было допускать превращения межгосударственного конфликта с Грузией в межэтнический конфликт внутри России. Между тем, вместо рациональных претензий Москвы к Тбилиси начался отлов «лиц грузинской национальности», а также налоговые проверки людей с фамилиями, оканчивающимися на –швили и –дзе. В этой связи до сих пор остается непонятым, какое отношение к популисту Саакашвили имеет писатель Борис Акунин (псевдоним Григория Чхартишвили).

В результате вместо того, чтобы консолидировать российских грузин против режима Саакашвили (а к этому Кремль вообще не прилагал никаких усилий, поддерживая фантомную фигуру Игоря Гиоргадзе), Москва способствовала укреплению власти грузинского президента. Более того, борясь с «большим соседом», Саакашвили укрепил свою популярность. Его оппоненты забыли про фальсификации и использование административного ресурса во время местных выборов в Грузии, равно как и об обвинениях грузинского президента в «узурпации власти». Однако укрепление популярности Саакашвили - не единственное «достижение» российской власти.

Грузинские «облавы» усилили ксенофобские настроения внутри страны, а также вызвали рост опасений не только у армян или азербайджанцев, но и среди абхазов и осетин! Многие из них мысленно ставили себя на место «подозрительных грузин». В этом плане политика «санкций» в российском исполнении чрезвычайно поможет Саакашвили в решении его внутривнутриполитических проблем (консолидация элиты, подготовка к новым выборам) в 2007 г. и в предвыборном 2008 г.

В 2006 г. Москва не смогла вполне адекватно оценить и изменение некоторых подходов Тбилиси к урегулированию конфликтов на территории Грузии. Парадоксальным образом, Кремль оказался в гораздо большей степени готовым к жестким и популистским действиям Тбилиси (декларации экс-министра обороны Ираклия Окруашвили, операция в Кодорском ущелье, задержание российских военнослужащих из Группы российских войск в Закавказье), чем к попыткам поиска конструктивных решений. Так в 2006 г. Москва пропустила проект «альтернативная Южная Осетия». Фактически этот проект изначально был объявлен очередной политтехнологией Тбилиси, а «альтернативный» глава Южной Осетии Дмитрий Санакоев - «марионеткой Саакашвили». Споры нет, говорить о Дмитрие Санакоеве как о самостоятельном лидере, выражающем волю осетинского народа, не приходится и сегодня (а уже тем паче в 2006 г.). Безусловно, этот лидер работает на Тбилиси и политически и финансово зависит от грузинского руководства. В данном случае речь не идет и о том, чтобы Москва безоговорочно согласилась бы признать Санакоева одним из участников переговорного процесса по грузино-осетинскому урегулированию. Однако сам по себе факт поиска диалога не с грузинскими представителями Южной Осетии, а с этническими осетинами (да еще и активными участниками осетино-грузинского конфликта 1990-1992 гг.), заслуживает пристального внимания. Практически впервые, начиная с 1991 г., грузинская элита готова публично вести речь о трансформации нациестроительства, переходе к концепции гражданской нации. Сам грузинский политический дискурс благодаря проекту «альтернативная Южная Осетия» существенно меняется, хотя сегодня вряд ли кто-то возьмет на себя смелость предсказать, как он будет реализован, с какими издержками и с какими результатами. В любом случае, не видеть динамику подходов к осетино-грузинскому урегулированию означает лишь одно - утрату полноты представлений о ситуации в «горячей точке» и путях разрешения конфликта.

Россия и Азербайджан: охлаждение отношений

Весь 2006 г. проходил под знаком ухудшения российско-азербайджанских отношений. Между тем еще в канун Нового 2007 г. в отношениях между Баку и Москвой обозначился целый комплекс проблем, которые в будущем могут существенно ослабить российские позиции на Южном Кавказе. Тем паче, что достижение взаимоприемлемого уровня двусторонних отношений до сих пор рассматривалось как один из реальных успехов внешней политики Владимира Путина. Именно Путин стал первым российским президентом, посетившим Азербайджан с официальным визитом, и решившийся посетить главный мемориал республики — «Аллею шехидов» в Баку. В 2003 и в 2005 гг. именно Москва в отличие от Вашингтона и Брюсселя безоговорочно признала легитимность президентских и парламентских выборов в Азербайджане. Более того, исполнительный секретарь СНГ Владимир Рушайло заявил, что парламентские выборы в республике состоялись еще до того, как соответствующее заявление озвучил азербайджанский Центризбирком. Кремль всячески стремился подчеркнуть, что именно Азербайджан остановил волну «оранжевых революций» на постсоветском пространстве. В течение всего 2006 г. Москва не раз заявляла об отношениях с Азербайджаном как о своем внешнеполитическом приоритете.

Однако именно приверженность к «легитимистской» политике на пост-советском пространстве в очередной раз подвела Москву. Кремль считал, что неприятие революционного оранжизма для Азербайджана окажется выше его национальных интересов. Резкое охлаждение российско-азербайджанских отношений в конце 2006 г. началось формально по внешним причинам. Сначала Москва обратилась к Баку с дружеской просьбой не поставлять газ Грузии. После того, как в Баку не захотели образовать антигрузинский газовый альянс, «Газпром» увеличил цену на газ не только для Грузии, но и для Азербайджана. Вместо прежних 110 долларов США за тысячу кубометров Баку должен был платить 235 долларов. В свою очередь Ильхам Алиев заявил, что такая цена «диссонирует с духом и сущностью российско-азербайджанских отношений». Более того, Алиев-младший не исключил, что в «нефтегазовых отношениях между Москвой и Баку существует политический подтекст»¹. Как результат, азербайджанские власти и руководство «Газпрома» не подписали соглашение о поставке в Азербайджан российского газа в 2007 г. По справедливому замечанию журналиста Вадима Дубнова, «Газпром», «прежде всего, стремится получить прибыль.

1 Цит. по: http://www.prognosis.ru/news/geopolitic/2007/1/24/putin_gazprom_azerbaidzhan_aliev_baku.html.

В погоне за ней он готов испортить политические отношения между официальной Москвой и ее партнером по СНГ»¹.

Впрочем, на сегодняшний день многие жесткие решения Азербайджана, заявленные в конце 2006 г., не выполняются. Однако «потенциальные» неприятные для Москвы шаги Баку, выражаясь языком шахмат, попросту «отложены». Их реализуют в том случае, если напряжение между двумя странами будет разрастаться. В любом случае «медовый месяц» во взаимоотношениях Баку и Москвы, похоже, завершился. Азербайджан, несмотря на свою заинтересованность в России (а кто еще с такой готовностью поддержит авторитарные начинания официальной власти?), не готов выступать в роли послушного вассала Кремля. Между тем разрастание российско-азербайджанского конфликта по своим стратегическим последствиям гораздо более опасно для РФ, чем возможное бегство Беларуси на Запад.

«Вестернизация» Беларуси - это процесс объективный и неизбежный. Как говорится, от географии никуда не денешься. Любой преемник Александра Лукашенко, не связанный с Москвой сотнями и тысячами личных обязательств (вот они изъяны неформальной внешней политики), будет гораздо более прозападным, нежели «батька». Но Азербайджан - это не Беларусь. Это закавказское государство, проблемы которого имеют самое непосредственное влияние на ситуацию на российском Северном Кавказе, самом нестабильном регионе внутри России. В начале - середине 1990-х гг. серьезный разлад в российско-азербайджанских отношениях привел к тому, что Баку занял откровенно дружественную позицию по отношению к дудаевской и масхадовской Чечне. В то время в рядах чеченских сепаратистов воевало порядка 300 азербайджанских «волонтеров». В январе 1995 г. в Баку был открыт Культурный центр Чеченской республики. После 1994 г. в Азербайджане было зарегистрировано 4,7 тыс. чеченцев, многие из которых приезжали в Баку для поправки здоровья. По словам одного из деятелей чеченских сепаратистов (главы «внешней разведки» Ичкерии) Хож-Ахмеда Нухаева, «неоценимую помощь в размещении беженцев нам оказал Азербайджан». Летом 1999 г. президент самопровозглашенной Чечни Аслан Масхадов назначил своим полпредом в мусульманских странах Зелимхана Яндарбиева. При этом головной офис полпреда был открыт в Баку.

Лишь в 2000 - 2001 гг. России и Азербайджану удалось существенно изменить двусторонние отношения. Во-первых, сама чеченская община в

1 Цит. по: http://www.prognosis.ru/news/geopolitic/2007/1/24/putin_gazprom_azerbaidzhan_aliev_baku.html.

Азербайджане стала вести, мягко говоря, недружественную политику по отношению к местным законам. Во-вторых, официальный Баку оценил все преимущества экономической помощи национальной экономике со стороны азербайджанской диаспоры России (самой крупной в мире). В-третьих, России удалось несколько ослабить армянский крен в своей кавказской политике. Именно в 2001 г. состоялся визит Путина в Баку. Тогда же была проведена совместная операция российских и азербайджанских спецслужб по задержанию трех чеченских полевых командиров. С этого времени Азербайджан перестал быть одной из баз ичкерийцев. Более того, азербайджанские спецслужбы стали оказывать серьезную помощь России и в деле сдерживания «исламской угрозы», центр которой с начала 2000-х гг. постепенно переместился из Чечни в Дагестан (территорию российско-азербайджанского пограничья). Таким образом, нормальные отношения Москвы и Баку — один из важнейших факторов стабилизации российского Северного Кавказа.

Добавим сюда и весь комплекс проблем Каспийского моря, и «иранский вопрос», чтобы понять: Россия заинтересована в развитии конструктивных отношений с Азербайджаном, даже несмотря на стратегический характер российско-армянских связей. Диверсифицированная политика в Закавказье (стратегическое партнерство с Арменией и конструктивные отношения с Азербайджаном) могли бы позволить России играть ключевую роль в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Охлаждение отношений с любой из сторон конфликта (Арменией или Азербайджаном) существенно снижает миротворческий потенциал Москвы, повышая политические возможности Вашингтона. Тем паче, что США не ведут в отношении государств СНГ «монетизированную» внешнюю политику. А что касается политической активности, то нынешний американский сопредседатель Минской группы ОБСЕ по карабахскому урегулированию Мэтью Брайза мог бы получить своеобразный приз за самую высокую оперативность выдвижения новых мирных инициатив.

Серьезное охлаждение российско-азербайджанских отношений чревато складыванием невыгодной геополитической конфигурации для России в Закавказье. Противоречия Москвы и Баку объективно работают на Тбилиси. Чем дальше будут отдаляться друг от друга Азербайджан и Россия, тем ближе будут позиции двух соседних закавказских республик. В этих условиях будут ослаблены позиции Армении, наиболее последовательно российского союзника. В случае укрепления азербайджано-грузинского

альянса Армения попадет в еще более сильную изоляцию. Следовательно, и российские позиции в регионе станут еще слабее, поскольку у Еревана просто не будет иного выхода кроме обращения к Западу с просьбой о «справедливом» разрешении конфликта. Таким образом, сама Москва без всякой помощи извне сегодня работает на укрепление позиций США, Евросоюза, Турции и других, столь нелюбимых в Кремле «внешних сил».

De facto государства Южного Кавказа: признавать или не признавать?

Отдельной темой российской политики в Закавказье являются *de facto* государства. В 2006 г. многое было сказано и сделано российскими политиками именно в этом направлении. Пожалуй, впервые после 1990-х гг. в западной политологии о *de facto* государствах заговорили не просто как о последствиях неразрешенных «замороженных» конфликтов, а как об образованиях, имеющих внутреннюю динамику, способных к трансформациям. По словам британского эксперта Томаса де Ваала, «многие внешние наблюдатели ошибочно считают Абхазию всего лишь российским марионеточным государством. Конечно, Россия использует ее неопределенный статус в своих целях, но Сергей Багапш, действующий президент, был избран вопреки пожеланиям Москвы, а многие абхазы недовольны ползучей аннексией Москвы»¹. Де Ваал даже ставит риторический вопрос: «Но как долго можно отрицать их право на независимость? Здесь не все так просто. Но альтернатива - сохранение конфликтов в замороженном состоянии и целых территорий как мировых «сирот» - также неприемлема». Схожим образом Анатолий Ливен и Джон Халсман призывают американских и европейских политиков к реализму². Они также задаются двумя вопросами: «Готов ли Запад просчитать последствия даже от непрямого столкновения России и США ради того, чтобы Грузия установила свою юрисдикцию в Южной Осетии?» Второй вопрос: «Готов ли Запад рисковать своими бесценными жизнями в будущей кавказской войне?» Ливен и Халсман, сравнивая косовский казус с абхазским и осетинским, делают вывод, что ни албанцы не согласятся на реинтеграцию с Сербией, ни абхазы с осетинами - на реинтеграцию с Грузией. В целом ряде работ британского эксперта по Нагорному Карабаху Лоренса Броерса звучит тезис о высоких демократических достижениях в этом *de facto* государстве, которое тот же Freedom House поставил по рейтингу выше, чем Азербайджан и Армению³. 2006 г. стал

1 De Waal T. Kosovo Talks about much than just Kosovo // Financial Times, 10.05.2006.

2 Lieven A., Halsman J. Let's get Real // International Herald Tribune, 03.19.2006.

3 Броерс Л. Политика непризнания и демократизация // Пределы возможностей лидеров элиты и общества в нагорно-карабахском мирном процессе (на русском языке). Лондон, 2005. С. 70.

периодом «парада референдумов» в *de facto* государствах постсоветского пространства. В сентябре 2006 г. статус и будущее самоопределение Приднестровья было предметом плебисцита на Левом берегу Днестра. В ноябре 2006 г. будущее Южной Осетии определяли ее «непризнанные граждане». А в декабре 2006 г. в НКР голосовали за проект Основного Закона.

Оговоримся сразу. Процесс «окончательного самоопределения» может завершиться как блестящим триумфом, так и катастрофическим поражением. В каждом конкретном случае определенное стечение обстоятельств (поведение ведущих мировых игроков, действия государств, к которым «приписаны» *de facto* образования) может иметь как счастливые, так и роковые последствия для Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии.

Однако в 2006 г. не было озвучено какой-либо внятной национальной стратегии России по отношению к *de facto* государствам. С одной стороны, российская власть признает территориальную целостность Грузии и Азербайджана, с другой - постоянно инициирует проекты по поддержке Абхазии и Южной Осетии. НКР - особая статья. Интерес РФ к этой республике, напротив, неизменно снижается. В сущности, Москва (в отличие от Вашингтона) ограничивает весь свой интерес к Карабаху контактами с Ереваном. И в этом нельзя не увидеть сегодняшней идеологической ограниченности Кремля. Сегодня российская власть предпочитает работать с лидерами, у которых внутри страны нет серьезных оппонентов. В этом плане глава Южной Осетии Эдуард Кокойты гораздо удобнее для Кремля, чем Сергей Багапш, а уж тем паче лидер НКР Аркадий Гукасян (добровольно отказавшийся от пролонгации своего президентства). Однако и работа с непризнанными республиками по сути своей - это пиар-стратегия, призванная доказать, во-первых, «усиление российских позиций в СНГ», а, во-вторых, высокий уровень «суверенности» нашей демократии, которая готова игнорировать мнение США и разных международных институций. При этом интересы конкретных жителей Абхазии и Южной Осетии превращаются не в предмет ответственной заботы Российского государства, а в ресурс для повышения популярности власти. Сегодня Россия не может (или не готова) четко обозначить свои интересы в Южной Осетии и в Абхазии, обрисовать пределы нашего возможного вмешательства в их дела, объяснить США и мировому сообществу, что без российской поддержки эти территории могут повторить печальный опыт Сербской Краины-95. Вместо этого экспертам предлагается дискуссия «признавать или не признавать?», в то время как проблема заключается не в формально-юридическом признании независи-

мости Абхазии и Южной Осетии, а в безопасности российского Юга, для чего вполне достаточно фактической поддержки (если надо, то и военной) этих образований. Сейчас для Москвы самое главное - не приобретение новых территорий. России необходимо доказать и грузинской элите, и международному сообществу, что отказ от ее миротворческих услуг означает только одно - новый всплеск конфликтов, который угрожает безопасности российского Северного Кавказа.

Это продемонстрировали события вокруг Цхинвали в 2004-2005 гг. и в Кодорском ущелье в 2006 г. Грузия, естественно, не может рассматриваться как угроза для России. Однако наращивание грузинской военной мощи и нагнетание милитаристской риторики по отношению к Абхазии и Южной Осетии способны взорвать российское «пограничье». Но на проблеме безопасности Юга России не заработаешь много очков. Иное дело эксплуатация «кимперского мифа». Однако не следует забывать, что такая «кимперская мифология» вызовет недвусмысленную реакцию США и ЕС. Тамошние политики не будут утруждать себя отделением «зерен от плевел» или «мух от котлет». Служащим американского Госдепа или конгрессменам с сенаторами трудно понять, что Уго Чавес, ХАМАС и «Хезболла», «управляемая демократия» - это одно, Литвиненко и Политковская - другое, а Абхазия и Южная Осетия - это третье.

А значит, итоги 2006 г. требуют от Москвы жестко выбирать приоритеты. Либо бороться против американского проникновения в Судан, Венесуэлу или на Ближний Восток, либо отстаивать свои интересы в Абхазии и Южной Осетии (да и вообще на всем Южном Кавказе), в том числе апеллируя к США и ЕС. Делать все это в «одном флаконе» не получится. Но для таких действий России потребуется всего одна вещь - осознание того, что сама по себе активность бессмысленна. Если за ней кроме пиара ничего не стоит.

Вместо заключения

Таким образом, итоги 2006 г. поставили перед российской политикой на Южном Кавказе целый ряд трудных, хотя еще разрешимых проблем. Во-первых, России следует признать, что с каждым годом Южный Кавказ (или Закавказье) перестает быть российской геополитической собственностью. Напротив, этот регион становится территорией соперничества и кооперации различных проектов («Большой Ближний Восток», «Большой Черноморский регион», Европейская политика нового добрососедства).

Следовательно, политика России на Южном Кавказе более не может апеллировать к советскому (а тем паче имперскому) прошлому, должна быть конкурентоспособной и главное, готовой к проигрышу. Этот тезис автор формулирует не из природной склонности к пораженчеству. Когда-то русский историк Сергей Соловьев определил поражение, как «пробу гения». Грамотная и адекватная рефлексия по поводу просчетов и провалов могла бы существенно помочь России в восстановлении пошатнувшихся, но не утраченных позиций. Во-вторых, России следует вести диверсифицированную политику, и выполнять, прежде всего, российские задачи, а не абхазские, армянские или азербайджанские. Российской дипломатии необходимо нахождение любых точек сотрудничества со всеми игроками кавказской «Большой игры» (признанными образованиями и непризнанными республиками, США, ЕС, региональными игроками - Турцией и Ираном). Необходимо отказаться от взятия «полного банка» по всем направлениям. Очевидно, что возможности для улучшения отношений с Грузией сегодня невелики, а с Арменией возможно исправление досадных ошибок и оптимизация взаимоотношений. Но в рамках различных «коридоров возможностей» Москва должна отрабатывать на все 100%.

И последнее (по порядку, а не по важности). России сегодня необходимо грамотное целеполагание своей кавказской политики. Одним из главных уроков 2006 г. является то, что России на Южном Кавказе надо не «сдерживать США» или вести борьбу с «расширением НАТО» и «недопущением Европы», а обеспечивать условия для стабильности на Северном Кавказе. Именно этой цели должны быть подчинены российские действия по другую сторону Кавказского хребта. Определившись с целями и приоритетами, можно будет взяться и за выбор адекватных методов и инструментов «кавказской политики».